

В программы «Кохинора» и «Рейштинки» десятки лет входил номер «Басни Ходжи Насреддина», который очень любили зрители в исполнении Юрия Арндта. Юру я знала по институту. Он поразил меня своим ростом, густым голосом и тельняшкой.

Басни

ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

Этот был незаурядный человек. Интеллигент, прекрасный архитектор, художник и артист от природы. Почти все свои «басни» он писал сам.

Но особенно выделял его в нашей среде дар рассказчика. Мы бесконечно могли слушать его «Рассказ старого актера», которого жизнь то и дело заставляла «приходить на копчик», и каждый раз покатывались со смеху. Однажды на банкете в Театре Вахтангова, который устроили актеры после нашего концерта, Юра перешел к самому Жванецкому. Они по очереди рассказывали байки, и, ей-Богу, Арндт победил.

Ругаю себя, что в свое время не записала и «Рассказ старого актера», и многие другие. Но кое-что я восстановила по памяти и хочу предложить эти маленькие миниатюры вашему вниманию.

Римма Алдонина

Как я маляром на флоте служил

— Знаете, как команды на флоте формируют? Ходят по зданию Экипажа... А надо сказать, во Владивостоке здание Экипажа невероятно красиво! Красное с белыми деталями, ступенями спускается с сопки, благоустройство — блеск!

Так вот, ходят по зданию Экипажа полтыщи голых парней. Ходят из кабинета в кабинет. Нас всех уже в сво-

их военкоматах проверили, а тут опять и ухо-горло, и зубы, и т. д., и т. п. А среди голых шныряют одетые и выкрикивают: «Кто на музыкальных инструментах играет?» Ну, отзовется какой-нибудь парень, не важно, играет, не играет, так из любопытства: «Я играю! А что у вас?» — «У нас крейсер». — «Крейсер? Пойдет. Записывай, на контрабасе играю».

Или: «Шоферы нужны! Есть шоферы?» И вдруг слышу: «Кто десятилетку окончил?» «Я, — говорю, — а что?» «А то, — говорит, — что наш командир из старых интеллигентов и сам сильно интеллигенцию любит. Ищи, говорит, с десятилеткой». Ну, записали меня на «Гром» из «Дивизиона плохой погоды». Это я вам так говорю: «плохой», между собой мы сильнее называли. Там были «Шторм», «Тайфун», «Вьюга», «Ураган», «Гром» и «Молния». Но на «Гром» я не сразу попал, а через шесть месяцев. Сначала нас на острове одном в учебных лагерях учили. Наконец прибыли на «Гром». Сторожевое судно, 95 метров длиной, стоит в порту на ремонте. Командира нет, встречает нас боцман. Смотрит он мою бумагу. А у меня в документах было записано: «Маляр седьмого разряда, окончил художественную школу». «Ты-то мне и нужен, — говорит, — покажи этим лентяям, как надо красить! Я тебе дам немного, но покрась так, чтобы

я их мог туда мордой тыкать». И отправил меня красить румпельный отсек. А это целая комната, метров двенадцать, только высота метра два с небольшим. Загрунтован он был темно-серой краской. И решил я этот отсек покрасить под

глыбу льда. Опыт у меня уже имелся — мы с одним старым маляром работали, и я жене крупного начальника рояль «под лед» покрасил. Она сказала: «Не хочу черный, хочу что-нибудь оригинальное!» Ну, я ей и покрасил. Крышку белым, а бока «под лед» — с разводами, пузырьками и трещинками. Ножки, правда, не «под лед», а белые. Здорово получилось, открываешь глыбу льда — и играешь! Маляр мой все удивлялся.

Ну вот и покрасил я этот отсек тоже «под глыбу льда», с пузырьками. А старпом на «Громе» был алкаш. Напивался до чертиков, до галлюцинаций. Идет он с кормы, дошел до этого отсека и встал как вкопанный. «Братцы, — кричит, — тут ведь румпельный отсек был, а?»

Ох и влетело мне от боцмана! «Издеваешься?!». Я говорю: «Нужно же мне свою квалификацию показать». «Иди, иди, — говорит, — на губе покажешь».

А начальник владивостокской губы мне почему-то сразу сказал: «Ты ко мне часто будешь попадать». И велел мне свой кабинет «под орех» покрасить. «Если, — говорит, — не успеешь, оставь, в следующий раз покрасишь». Так я и красил за каждый раз несколько шашечек. У меня там под лестницей кладовка была, где я кисти держал.

За три года службы я просидел на губе 273 дня.

Как я на Эльбрус поднимался

Перевели наш «Дивизион плохой погоды» на Черное море. Вокруг Индии шли, через Сингапур, Красное море, Стамбул и пришли, наконец, в Потю. Тут «Гром» ремонтировали, а мы пока на других судах учебные выходы делали. Словом, время у нас там было.

И вот нашли мы как-то в горах четыре противотанковые мины. Три сдали. А одну оставили, чтобы рыбу глушить. Недалеко от берега старая баржа стояла. Забрались мы на нее, нас четверо было, к мине шнур приделали, отмерили 60 сантиметров, чтобы он мог минуту гореть — шнур в минуту на сантиметр сгорает. Мы решили, что, если мина в глубине взорвется, звук будет негромкий. А потом рыбу в корзинку соберем, на камбуз сдадим, и будет добавка к пайку. Нужно сказать, что береговой паек не очень-то, это не то, что в походе.

И вот подожгли мы шнур, бросили мину с борта, а она не тонет! Она,

оказывается, плавает! Тяжелая металлическая штука, внутри залитая толлом, оказалась по объемному весу близкой к воде. Нам надо было камень привязать.

Ну и грохот был!!! На берегу тревога. Всех четверых — на губу. Сначала, правда, предложили: «Чего вам всем сидеть, вы скажите, кто это выдумал, а остальные могут идти». Ну, мы переглянулись: «Нет, — говорим, — ведите всех».

Сидим на губе, ничего не знаем, а оказывается, пришел приказ выделить альпинистов для восхождения на Эльбрус, чтобы там фашистский флаг снять, а красный поставить. А какие в портовом городе альпинисты? Вот и решили нас с губы снять и туда отправить.

Я сроду в горы не поднимался. Разве что с родителями на Ахун-гору на автобусе. Но у нас, моряков, вообще такой настрой был, что мы все можем. Другие не смогут, а мы сможем. Всего на Эльбрус пошли четвереста человек. Когда узнали, что я радист, меня оставили на базе связь держать. А трое наших дошли, не первые, но дошли.

И когда наверху свои рюкзаки открыли, то у Абалакова и у другого, как его там, мастер спорта, забыл фамилию... Так у них глаза на лоб полезли. У наших, у каждого, в рюкзаках по два арбуза и бутылка водки! Это когда альпинисты каждый грамм считают, когда в гору идут!

Вот что значит моряки!

Как я материалы доставал для ремонта дачи

Пришел на стройку, опалубочные доски мне продали по 3 рубля 62 копейки за кубометр. А цемент не продают, нельзя, говорят, не разрешается.

Я говорю: «Ребята, что же делать?» «Вон, — говорит прораб, — смотри, там лежат пятьдесят мешков сухой смеси. Это уже готовая смесь цемента с песком для раствора, через пять минут я буду их бульдозером в землю закапывать. Сколько успеешь к забору отнести — все твое».

Я мигнул ребятам, которые у меня ремонт делали, и они мне одиннадцать мешков к забору притащили. Я говорю: «Куда мне столько? Мне всего две стенки оштукатурить надо». А они: «Да жалко же, добро пропадает. Мы, пожалуй, пойдем, еще принесем».

Вернулись. «Все, — говорят, — уже засыпали».